

ГЛАВА VI.

КРИТИКА И АНТИКРИТИКА МАРКСИЗМА В ВОПРОСЕ О ПСИХИКЕ КАК ОСОБОМ ФАКТОРЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Мы видели, что Плеханов признает реальность нашей психики, как особого фактора общественной жизни, имеющего свои особые законы и историю. Но он дал не только положительную формулировку своих взглядов. Он вел также большую полемику по вопросу о признании или отрицании психики как общественного фактора в двух направлениях: 1) защищаясь от врагов марксизма и 2) нападая в свою очередь против тех, которые неверно оценивали психику как особый фактор общественной жизни.

Считая и эту сторону взглядов Плеханова очень интересной и методологически важной, мы посвятим ей настоящую главу.

1. Начнем с опровержения «обвинений» против марксизма в отрицании им психики как фактора общественной жизни.

Основной принцип материализма, что общественное бытие определяет общественное сознание, что основой, базисом, являются производственные отношения (экономика общества с лежащими в ее основе производительными силами), все же остальное, в том числе и психика—производное, надстройки, этот принцип подвергался неоднократно обстрелу со стороны идеологов буржуазии, т. е. со стороны идеалистов, субъективистов, метафизиков и эклектиков, а впоследствии и ревизионистов. Объединенным хором они обвиняли марксизм в признании только «грубо материальной» экономической стороны, в отрицании им роли и значения «идейного», духовного «фактора» и, следовательно, в фатализме.

Г. В. Плеханов неоднократно ополчался против этих русских и иностранных «обвинителей», подвергая все их lamentации резкой критике. Спор шел об идейном, духовном факторе, об умственном развитии, о росте сознания, но после всего сказанного, да и из самого спора ясно, что Плеханов в этой полемике имеет в виду не только идеологию, но и психику.

Плеханов прежде всего вскрывает классовое лицемерие «обвинений» и «обвинителей».

Сытые, откормленные, пресыщенные представители господствующих классов, видящие в рабочем классе только источник для выколачи-

вания прибавочной стоимости, выступают с обвинениями «в грубом материализме» против идеологов рабочего класса, «говорящих только об экономии единственно потому, что только в экономии современного общества они видят серьезное препятствие для духовного развития человечества». Деспоты, боящиеся проблеска сознания у эксплуатируемых ими пролетариев, обвиняют «в грубости нравов» научных социалистов, «через всю программу которых проходит идеальный момент, стремление содействовать росту сознания рабочего класса». «Гуманнейшие» буржуа, которые «искренне хотели бы доставить рабочему материальное довольство, не разбивая, однако, висящих на нем цепей капитала», ибо их идеал—превратить пролетариат в «хорошо откормленный рабочий скот»,—обвиняют «в отрицании и дейного фактора» тех, кто «гордится тем, что борьба против экономического рабства, есть в то же время и борьба против умственного рабства, против невежества пролетариата»¹. Такими резкими штрихами рисует Плеханов и вполне справедливо часть обвинителей.

Для достижения своих целей, для того чтобы иметь возможность обвинять марксизм в отрицании им психики, эти обвинители прибегают, по мнению Плеханова, к недопустимому средству «злой, пошлой лжи»². «Когда, где и кто из ортодоксальных марксистов утверждал, что так как мир развивается сам собой, то бесполезно всякое сознательное вмешательство людей в процесс его развития?» спрашивает Плеханов этих критиков, утверждая со своей стороны, что этого «никогда и нигде не говорил ни один из нас» (т. е. ортодоксальных марксистов.—Ю. Ф.), что это «говорили за нас, искажая наши мысли, наши «критики», противники материалистического понимания истории»³.

Классовая ненависть против марксизма идет так далеко, что «в грубости помыслов, в грязном нравственном материализме, новейших социалистов упрекают часто люди несведущие или неискренние»⁴. Неискренние искажают марксизм, зная его, а несведущие искажают марксизм, даже и не зная его.

Однако обусловленная классовыми интересами критика марксизма не всегда выступает в таком оголенном виде. Сознательно или бессознательно, критика облачается в тогу «идейных» доводов, драпируется вуалью «доказательств» и «мотивов».

Рассмотрение этой стороны вопроса начнем с интересной критики Плехановым, как он пишет, «бывшего марксиста и с.д. г. Бернштейна». Последний, с одной стороны, согласился с мнением Барта, что Маркс и Энгельс не признавали, мол, значения неэкономических факторов, а с другой стороны, ссылаясь на одно из писем Энгельса 1895 г., пытался доказать, что историческая теория Маркса и Энгельса сама прошла через процесс развития, в результате которого получилось некоторое ограничение экономического фактора в истории, в пользу других неэкономических факторов, следовательно, и психики.

¹ Т. III, стр. 398—399.

² Там же, стр. 398.

³ Т. XVII, стр. 36.

⁴ Т. III, стр. 398.

Сравнив цитируемое Бернштейном письмо Энгельса с «Коммунистическим манифестом» и работами Маркса и Энгельса из эпохи «Zur Kritik», Плеханов приходит к выводу, что уже в 40-х г. Маркс и Энгельс самым категорическим образом признавали общественно-преобразовательную роль сознания вообще и даже энтузиазма в частности, что уже и тогда они находили, что психический «фактор» реагирует на общественные (а следовательно, и экономические) отношения, что у Маркса и Энгельса не было никаких колебаний в этом вопросе, что предисловие «К критике» не противоречит тому, что сказано в письмах Энгельса, а если в нем мало говорится о психическом факторе, то это объясняется теми задачами, которые ставил себе Маркс.

В предисловии, пишет Плеханов, Маркс хотел оттенить, что общественные отношения «не объясняются ни своей собственной природой, ни так называемым общим развитием человеческого духа», поэтому «он выставлял на вид преимущественно экономическую основу развития названных отношений, Энгельс же в своих письмах обращался к человеку, который думал, что в теории «экономического материализма» нет места для действий политического, правового и духовного (духовного, кроме политического и правового, следовательно под духовным Плеханов разумеет не только идеологию, но и психику.—Ю. Ф.) «факторов», а потому он мимоходом указав на экономическую сторону всех этих «факторов», особенно оттенял то обстоятельство, что эти «факторы», выросши на экономической почве, воздействуют на нее с своей стороны».

«Критику» Бернштейна, как и других критиков, Плеханов объясняет непониманием диалектико-материалистического взгляда на психику, вскрывая «механику» этого непонимания—ошибки в логике и диалектике их мышления.

Первая логическая основа «критики»—это понимание не содержания, а слов учения Маркса и Энгельса, формальное, словесное понимание. «Если бы г. Бернштейн был способен пойти хоть немного дальше слов разбираемой им теории и проникнуть в ее содержание, то он с большою легкостью понял бы ее»¹.

Другой логической основой «критики» и «обвинения» является, по мнению Плеханова, узость взглядов у критиков. «Что такое электричество? Особый род движения. Что такое теплота? Особый род движения. Что такое свет? Особый род движения. А, так вот как! Вы, стало быть, не придаете значения ни свету, ни теплоте, ни электричеству. У вас все одно движение,—какая односторонность, какая узость понятий!»—так характеризует Плеханов логику этих «обвинителей», добавляя зло и ехидно «именно так, именно узость, господа»². Подобно тому как попытка понять теплоту, свет, электричество и так далее как особые виды движения не есть узость взглядов, подобно этому нельзя видеть эту узость и в попытке понять политический строй, право, идеологии и психику из общественно-материального бытия.

¹ Т. XI, стр. 310—316.

² Т. VII, стр. 198.

Узостью взглядов является не эта попытка понять психику, а мысль о том, что попытка понять идеологию и психику из общественного бытия есть отрицание их роли и значения.

Третьей логической основой непонимания «критиков» является слабость их логики. «Психология общества,—пишет Плеханов,—всегда целесообразна по отношению к его экономике, всегда соответствует ей, всегда определяется ею». Но значит ли это, что она не имеет значения. Нет, не значит. «Совершенно наоборот», «признавая, что она приспособляется к экономике общества, Маркс тем самым признавал ее огромное, ничем не заменимое значение»¹. «Обвинители» же марксизма, ослепленные своей классовой идеологией, не в состоянии понять, не понимают разницы между отрицанием роли и значения психологии и признанием ее как приспособления к экономике. Они страдают слабостью логики.

Слабость логики в форме смешения понятий Плеханов вскрывает в частности у итальянского синдикалиста Оливетти, обвинявшего Энгельса в фатализме. «Когда Энгельс проповедывал фатализм? Когда он верил в то, что социализм осуществится исключительно материальными силами капиталистического производства? Можно ли противопоставлять законы истории страстям и воле людей? Разве воля и страсти людей не подчинены законам истории?»—спрашивает Плеханов, приходя к выводу, что «то, что г. Оливетти с высокомерным снисходительным пренебрежением называет фатализмом «доброе старика», оказывается оптимизмом, но быть оптимистом еще вовсе не значит быть фаталистом»².

За «логическими» основаниями «критики», за поверхностным пониманием, за слабостью логики, за узостью взглядов, за смешением понятий скрываются, однако, по мнению Плеханова, более глубокие «основы», а именно: метафизичность мышления у критиков.

В своей полемике против Штамлера, выражающего большое недоумение по поводу того, что социал-демократы, с одной стороны, считают революцию пролетариата неизбежной, а с другой стороны, находят нужным содействовать наступлению этой революции, Г. В. Плеханов упрекает Штамлера в том, что он не понял диалектико-материалистического учения о свободе, в смысле сознания необходимости, и необходимости, согласно коему, «хотя цепь событий необходима, но наши решения и действия составляют необходимое звено этой цепи»³. Штамлер как метафизик признает или свободу или необходимость, не допуская перехода свободы в необходимость и обратно. Эта метафизичность его мышления мешает ему понять марксистский взгляд на идейный, духовный фактор, на идеологии и психику, на их роль и значение. Метафизическая формула «или-или»—вот одна из глубоких «основ» «критики».

Вторая метафизическая основа критики—это абстрактный подход к вопросу. Плеханов вскрывает ее, критикуя утопистов, обвиняв-

ших Маркса и Энгельса в том, что у них совсем нет никаких идеалов. «У Маркса и Энгельса был очень определенный идеал»¹, «совершенно, исключительно идеалистическая задача»²—«развивать самосознание пролетариата»³, возражает Плеханов. Почему же утопист отрицает наличие идеалов у марксистов, почему он не замечает этой совершенно, исключительно идеалистической задачи у Маркса и Энгельса, почему он не видит той роли, которую они приписывают идеологии и психике—вот вопросы, которые требуют ответа. И Плеханов находит, что причина слепоты утописта кроется в том, что он мыслит не диалектически, а метафизически, а именно: он рассматривает отношения между людьми «без отношений к обстоятельствам места и времени»⁴, т. е. абстрактно, отвлеченно, а не конкретно.

Третья метафизическая основа критики—это непонимание диалектического взаимоотношения между причиной и следствием. Когда марксисты утверждают, что не сознание определяет собой бытие, а бытие определяет собой сознание, пишет Плеханов, то «из этого отнюдь не следует, что сознанию нет места в историческом движении человечества. Будучи определено бытием, сознание с своей стороны влияет на дальнейшее развитие бытия».

Этого-то обратного влияния, этой-то диалектической взаимозависимости не понимают метафизики, для которых причина есть всегда причина, а следствие всегда следствие, для которых следствие не может в свою очередь обратиться в причину, хотя и второстепенную, но обратно воздействующую на создавшее ее явление, и потому-то они и обвиняют марксистов, говорящих об обратном влиянии психики, в ее отрицании.

Вскрыв таким образом классовую сущность и логически метафизические основы «обвинений» «критики», Плеханов устанавливает также и ее исторические корни. Родословную этой критики Плеханов видит в мыслях, высказанных в 1847 г. одним из последователей Бруно Бауэра—Опицем. «Дальше Опица и до сих пор не пошли господа, упрекавшие Маркса в игнорировании элемента мысли и чувства в истории»⁵. Все современные «обвинения» представляют собой исторический хлам, пережиток прошлого, историческую жвачку.

Так Плеханов опровергает «обвинения» против марксизма в отрицании им психики, так он «обороняется», «защищается» от идеалистических врагов марксизма.

2. Но Плеханов не только «оборонялся», а и нападал.

Прежде всего обратим внимание на самый характер «обороны» Плеханова от идеалистических врагов марксизма. Разве можно назвать только «обороной» ту жестокую критику, которой он подвергает этих «обвинителей», тот жестокий упрек, который он им бросает, заявляя, что «основой» их «критики» марксизма являются обусловленные их клас-

¹ Т. VII, стр. 259.

² Там же, стр. 260.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 259.

⁵ Там же, стр. 227.

¹ Т. XI, стр. 310.

² Т. XVI, стр. 127—128.

³ Т. VIII, стр. 398—399.

совым положением ошибки в логике и диалектике мышления. Формальная оборона переросла у Плеханова в фактическое нападение против «обвинителей» и «критиков». Но Плеханов и прямо нападает на них за неверность их точки зрения на субъективный фактор общественной жизни.

Начнем с критики Плехановым исторического идеализма.

Плеханов прежде всего отвергает первичность идей у идеологов. Верно, что критическая мысль, а следовательно, и критически мыслящая личность,—играла чрезвычайно важную роль в истории человечества,—соглашается Плеханов с Реклю. Но откуда же берутся идеи идеологов, спрашивает он, утверждая, что «это вопрос, на который идеализм не отвечает, да и не может ответить»¹.

Плеханов относится отрицательно к первичности идей не только в формулировке индивидуалистической, как это было выше, но и в формулировке коллективистической, говорящей об основной роли классовых идей, классовой психики. Плеханов соглашается с Воронцовым, что «различные классы населения представляют неоднородные психические типы, но, спрашивает он, однако, чем вызывается неоднородность этих типов?» и «где надо искать причину этого явления: в социологии или психологии?»².

По мнению Плеханова, представление о психике, как о первичном факторе, бесплодно, ничего не в состоянии объяснить: «Почему ход идей принимает то, а не другое направление? Почему он в данном месте и в данное время совершается очень быстро, а в другое время в другом месте становится крайне медленным? Тут тоже должна быть какая-то законосообразность, которая совсем не объясняется для нас апелляцией к идеям, «делающим общество», потому что такая апелляция заводит нас в заколдованный круг»³. Историческая истина состоит в том, что «идеи и чувства человека являются результатом «форм быта», и что поэтому не социология должна опираться на психологию, а, наоборот, психология, по крайней мере общественная психология, психология, имеющая дело с идеями и чувствами людей, составляющих данное общество, должна апеллировать к социологии»⁴.

Хотя психика является огромной важности общественным фактором, хотя она действует по своим особым законам и имеет свою историю, однако прежде чем действовать и влиять, она должна быть определена как в ее содержании, так и в ее законах и истории общественным бытием. Субъективизм вполне правильно признает оба члена ряда—общественное бытие и общественное сознание, но ошибка его состоит в том, что он ставит этот ряд на голову.

Но субъективизм имеет некие «основы». Начнем с идеологических его основ. На первом месте среди них надо поставить гносеологические основы субъективизма. Мы видели выше, что одной из причин

идеалистических обвинений против марксизма в отрицании им психики является непонимание «критиками» диалектического взаимоотношения между причиной и следствием, метафизичность их мышления. Метафизическое понимание взаимоотношения между причиной и следствием и является, по мнению Плеханова, гносеологической основой собственных взглядов исторического идеализма.

«Ошибка субъективизма,—пишет Плеханов,—заключается в том, что он, смотря на сознательную деятельность людей, как на причину общественного развития, не понимает того, что прежде, чем стать причиной, деятельность эта по необходимости должна явиться его следствием»¹. Психика является причиной, но причиной непосредственной только для нас, субъективно. Объективно же она сама должна быть раньше опосредствована, определена и направлена общественным бытием. Субъективисты, не понимая перехода следствия в причину и видя огромную роль психики, как непосредственной причины наших действий, делают отсюда неверный вывод о том, что наша психика является первичной в отношении общественной жизни, исходным началом, основой мира.

Эта метафизическая aberrация субъективизма имеет психологическую основу.

Сославшись на пример с ребенком, который «воображает, что свободно желает того молока, которое составляет его пищу», а также на приводимый Лейбницем и Спинозой пример с магнитной стрелкой, которая, будучи приведена в движение внешними силами, считала бы, в том случае, если бы она обладала сознанием, что ее действия вполне свободны и самогенны, Плеханов приходит к выводу, что сущность человеческой свободы «сводится к тому, что люди сознают свои стремления, но не знают внешних причин, вызывающих стремления, что «человек не сознает того процесса, которым определяется его воля, но он более или менее сознает результаты этого процесса, т. е. он сознает, что в данную минуту хочет действовать так, а не иначе»². Почему же люди не всегда знают причины своих стремлений, процесс обуславливающий и определяющий эти последние и почему они безусловно знают, поскольку речь идет о сознательных переживаниях, что они переживают их. Да потому, что переживания воспринимаются нами непосредственно. Непосредственно воспринимаемые, при отсутствии знания о породивших их причинах и процессах, наши субъективные переживания оцениваются субъективно как первичные, самопроизвольные, самогенные. Характерная особенность субъективного, его непосредственная переживаемость, непосредственная воспринимаемость и является психологической основой aberrации, ошибочной оценки психики не как хотя и непосредственной, но вторичной причины, а как основной, первичной, ничем непосредствованной причины.

К этой психологической основе присоединяется еще один момент—практический. Когда «мы добиваемся какой-нибудь практической

¹ Т. XVI, стр. 161—163.

² Т. IX, стр. 57.

³ Т. XVI, стр. 162—163.

⁴ Т. IX, стр. 57.

¹ Т. XIV, стр. 328.

² Т. X, стр. 172.

цели,—пишет Плеханов, наше внимание сосредоточивается не на том обстоятельстве, что воля людей является следствием, а на том, что она является причиной, т. е. может вызвать желательные для нас изменения в общественном быту. Таким образом на практике мы будем считаться с волей людей, как будто бы она была свободной»¹. Эта практическая установка на результат также является основой идеалистического взгляда на психику, как на первичное.

Идеалистический взгляд на психический фактор общественной жизни имеет еще основу воспитательного характера, базирующуюся на самом процессе осознания окружающего бытия. Если раньше мы видели, что в практической жизни нас интересуют результаты действия людей, что приводит к осознанию нами роли и значения их воли, как причины, и к забвению породивших последнюю причин, то тот же результат получается при диаметрально противоположных условиях, а именно: когда нас интересует не результат, а самый процесс развития истины, процесс ее усвоения и выработки. «Когда человек задает целью субъективного развития истины в индивидуумах,—говорит Плеханов,—то он по необходимости отвлекается от того объективного процесса, который подготавливает индивидуумов к усвоению известных истин»².

При такой воспитательной установке мы невольно абстрагируемся от тех объективных условий бытия, которые определяют приспособляемость нашего мыслительного аппарата, т. е. мы абстрагируемся от причин и концентрируем свое внимание только на их следствии, на самом процессе мысли, что и создает впечатление, представление о самостоятельности, самогенности мыслительного процесса.

Все эти обстоятельства в результате приводят к тому, что идеализм превращает следствие, вторичное, в первопричину, в первичное, а это делает его бесплодным, научно не ценным, лишает его возможности познать нашу психику. Этим и объясняется то, что субъективной психологией занимались на протяжении веков, а психологические знания, ею установленные, мизерны.

Но идеализм не только бесполезен и бесплоден, но и социально вреден, ибо он ведет к фатализму. «Объявить неотвратимым законом истории свое собственное настроение есть фатализм»³, говорит Г. В. Плеханов. Здесь есть своя «логика». Что может помешать проявлению психики? Ничто, ибо в противном случае она потеряет свою первичность. Личные желания, мысли, идеи, настроения действующих в истории людей логически превращаются в неотвратимо, неизбежно действующую силу.

Спрашивается, если идеализм есть неверный и вредный способ восприятия действительности, то какие основные, базисные, объективные условия его питают и поддерживают? «Спиритуалистическая—да и всякая идеалистическая—философия, в ее противоположности материализму

происходит от первобытного анимизма»¹. Последний же базируется в конечном счете на слабости техники, производительных сил.

Таково историческое начало субъективизма.

Но почему субъективизм дожил до наших дней? Почему он частенько и подолгу господствовал в науке, изгонял и затирав материализм? Чем объяснить влияние субъективизма на дальнейших ступенях исторического развития человеческого общества, когда росли техника, власть человека над природою, росли и углублялись знания человека о себе, о природе и обществе? Это объясняется, по мнению Плеханова, во-первых, тем, что в течение очень долгого времени естественное знание подвигалось вперед так медленно, что не могло выбить анимизм из всех его позиций, во-вторых, тем, что усложнилась общественная жизнь и участились сношения между отдельными обществами, за которыми не поспевало человеческое познание, и, наконец, влиянием религиозных систем, которые представляют собой значительную консервативную силу в руках господствующих классов². Таково историческое прошлое субъективизма.

А каков социальный смысл, социальный характер, социальная база современного субъективизма. Капиталистическая конкуренция индивидуалиста-собственника—вот ответ Плеханова на этот вопрос. «Буржуазия, господствующая в обществе, основанном на ожесточенной взаимной конкуренции товаропроизводителей, естественно склоняется к такому самодовольству, которое лишено всякой примеси альтруизма. Драгоценное Я всякого достойного представителя буржуазии целиком заполняет собой все его стремления и все его помышления. «Нравственный соллипсизм—вот два слова, которые лучше всего характеризуют настроение более типичных представителей современной буржуазии», и «нет ничего удивительного в том, что на почве подобного настроения возникают системы, которые не признают ничего кроме субъективных переживаний»³. Таким образом субъективизм в науках вообще, в психологии в частности, представляет собой идеологическое отражение: 1) бытия первобытного человека, 2) слабости познания природы и общества, определяемой общественным бытием, 3) консервативных, охранительных интересов господствующих классов вообще и 4) классового положения современной буржуазии в частности.

В наше время последнего боя между строящимися в СССР новым социалистическим обществом и загнившим империалистическим миром, в наше время борьбы не на жизнь, а на смерть между революционным пролетариатом и контрреволюционной буржуазией, субъективизм является с одной стороны, отражением бытия последней, а с другой—идеологическим средством в ее борьбе против победившего пролетариата. Поэтому субъективизм вообще, в психологии в частности очень вреден и должен быть изгнан полностью из наук.

¹ Т. X, стр. 172.

² Т. VI, стр. 27.

³ Т. VII, стр. 94.

¹ Т. XVIII, стр. 298.

² Там же, стр. 301—303.

³ Т. XVII, стр. 20.

3. Но субъективная психология в ее современной форме—эмпирической психологии, отошла от чистого субъективизма с его первичностью психики и рассматривает последнюю не как основное, первичное, а только как самостоятельное явление, т. е. стоит на точке зрения дуализма. Так, глава русских эмпириков, Г. И. Челпанов, мотивирует самостоятельность психологии следующим образом: «Психология, поскольку она, по Марксу, отождествляется с идеологией, имеет совершенно самостоятельный предмет, именно идеи, которые возникают друг от друга в силу собственной закономерности». Здесь перед нами безусловно извращенное изложение взглядов Маркса. И действительно, в главе III мы видели, что марксизм не отождествляет психологию с идеологией. Это, во-первых. Во-вторых, если бы психика и оказалась тождественной с идеологией, то она и в этом случае не развивается изнутри, «друг от друга». Следовательно, перед нами формулировка не взглядов Маркса, а собственных взглядов Г. И. Челпанова на психику, как на самостоятельное явление. «Эмпирическая» психология делает сознание предметом своего самостоятельного изучения потому, что сознание с ее точки зрения есть самостоятельное явление, развивающееся изнутри, по своим внутренним имманентным свойствам и законам. Поэтому будет интересно выяснить также взгляд марксизма на дуализм.

Если субъективисты повинны в том, что они превращают субъективные переживания, субъективную сторону нашего общественного бытия, из следствия в причину, т. е. ставят на голову взаимоотношения объективной и субъективной сторон монистически единого общественного бытия, то дуалисты повинны в разрыве этих двух сторон, в разделении их на два самостоятельных явления, в уничтожении единства. Но марксизм отрицает такой разрыв, такую самостоятельность психики.

Плеханов считает до очевидности ясным, что «никакое Я не может существовать само по себе». Он находит особенно замечательной и диалектической мысль Руссо о том, что способность человеческого рода к прогрессу «никогда не могла развиваться сама собою», что «она нуждалась в постоянных толчках со стороны»¹.

Одна из важнейших особенностей диалектического взгляда на психику сравнительно со взглядом метафизическим, состоит в том, что психика развивается не сама из себя, не по врожденным ей свойствам, а нуждается в толчках «со стороны», извне, и не только в толчках, но и в материальных условиях для возможности проявиться, претвориться в жизнь, в реальной действительности. «Неужели «самоуважение», не могущее сдвинуть руку человека без помощи известного анатомического аппарата, может влиять на его общественное положение без посредства общественных отношений»², спрашивает Плеханов, отвечая на этот вопрос резко отрицательно.

Дуализму с его самостоятельным развитием психики марксизм противопоставляет монизм, связь и зависимость психики от бытия,

единство бытия и психики как причины и следствия. «С точки зрения современного исторического монизма (материализма тож) субъективные стремления людей—их сознание, их воля, их план, их чувства—являются лишь одной стороной того самого процесса, другую сторону которого представляет собою объективный ход развития общественных отношений»¹. Объективный ход общественных явлений совершается в процессе человеческой практической деятельности. Следовательно, формула «субъективное—другая сторона объективного хода развития общественных отношений» может быть заменена формулой «субъективное—другая сторона человеческой практики».

Объективное общественное бытие, конкретная практическая человеческая деятельность совершается человеком вовне его, обращена вовне, психика же, т. е. внутренние субъективные переживания, как свойство организма (о чем речь будет в следующих главах) протекают внутри человека. Объективное общественное бытие и психика представляют собой два раздельно, вне друг друга лежащих явления: 1) вне человеческого организма протекающее объективное бытие, вовне организма совершающиеся действия и 2) внутри человеческого организма получающиеся отражения, субъективные переживания. Но эти два раздельно лежащих явления не оторваны друг от друга, не изолированы, а связаны меж собой в единое целое, как две стороны единого процесса, как причина и следствие, как первичное и вторичное, как основа, базис и отражение, результат, надстройка.

Идеологически дуализм объясняется тем обстоятельством, что в общественной жизни не всегда совпадают человеческие желания и стремления с результатом действий. «Нередко осуществлялось и осуществляется то, что считалось невозможным, и не исполняется то, чего ожидали»², пишет Плеханов. Непонимание причин этого явления и является идеологической основой дуализма.

Но этого мало. Как и субъективизм, дуализм коренится в классовых интересах господствующих классов. С одной стороны, они заинтересованы в познании природы—отсюда материализм, а с другой стороны, они боятся материализма, ставшего идейным оружием в руках пролетариата, и льнут к идеализму и религии, как средствам затемнять классовое самосознание угнетенных и эксплуатируемых классов—отсюда идеализм.

Плеханов объясняет «весьма подозрительный» возврат буржуазных представителей от Гегеля к Канту, возврат, вызванный к тому не сильными, а слабыми сторонами, а именно, дуализмом последнего, тем, что «с помощью дуализма можно строить самые заманчивые идеалы, предпринимать самые смелые путешествия в «лучший мир», нисколько не помышляя о том, чтобы воплотить эти «идеалы» в действительность», например, «можно в идеале всецело уничтожить существование классов, устранить эксплуатацию одного класса другим, а в действительности выступить в качестве защитника классового государства»³.

¹ Т. XVI, стр. 42.

² Т. XVIII, стр. 302.

³ Т. VII, стр. 57.

¹ Т. VII, стр. 139.

² Т. VI, стр. 125—126.

Такова та критика, тот огонь, который Плеханов направляет против идеалистов и дуалистов за их неправильные взгляды на субъективный фактор общественной жизни.

4. Теперь перейдем к тому нападению, которое Плеханов вел против тех, которые действительно отрицали психику, к той критике, к тому огню, который он направлял против объективистов-механистов.

Вопрос этот очень важен, в связи с неизжитым еще, несмотря на всю резкую критику со стороны марксистов, так называемым энчицизмом, основной тезис коего гласит, что мысль о психике есть буржуазный обман, что основоположники марксизма говорят о психике потому, что они еще не освободились от этого обмана, а также в связи с распространенной у нас среди объективистов-поведенцев мыслью о том, что психика, поскольку она является следствием, не играет никакой общественной роли и представляет собой только эпифеномен.

Плеханов обвиняет отрицателей субъективного фактора в истории в отсутствии логики, в слабости логики. «Что мысли человека влияют на его поступки—это не подлежит никакому сомнению,—пишет Плеханов.—В этом может усомниться только тот, кто сам хромает по части мышления»¹, или такой медик, которого «школьная логика лишила всякой возможности к разумной медицинской практике»². Ленин еще резче Плеханова отзывается об отрицающих психику. Он пишет: «чепуха, будто бы разум и чувство не присутствовали при возникновении капитализма». «Капитализм состоит в известных отношениях между людьми, а таких людей, у которых не было бы разума и чувства, мы еще не знаем». «Фальшь, будто воздействие разума и чувства тогдашних «живых личностей» на ход вещей «было ничтожно»,—совсем напротив»³.

Этим отрицателям мешает признавать реальность, действительную роль и значение психики метафизичность их мышления. «Лишь как метафизик Гримм мог сказать, что влияние мнений равно нулю»⁴, пишет Плеханов.

В каком смысле, какой своей стороной метафизика приводит к отрицанию роли и значения мнений, следовательно и субъективных переживаний, психики?

Одним из различий между объективистом и марксистом является, согласно Ленину, то обстоятельство, что объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов, материалист же последовательно объективиста, и глубже, полнее проводит свой объективизм⁵. Эта-то разница между объективистами и материалистами-марксистами имеется и в вопросе о признании реальности и общественной роли психики.

Объективисты-психологи сбиваются на апологетику объективных фактов, находят в плену у последних. Их апологетизм мешает им видеть реальную действительность таковой, какой она есть. Объективные факты

заслоняют перед ними субъективные переживания. Метафизическая односторонность, не учет всей реальной конкретности действительности—вот основа отрицания психики объективистами. Имея, очевидно, в виду этих последних, Плеханов пишет: «Мы уверены, что не один из наших читателей будет искренно изумлен, услышав от нас, что для Маркса проблема истории в известном смысле тоже была психологической проблемой. А между тем—это бесспорно»¹.

А если реальность и действительность психики бесспорна, если проблема истории есть в известном смысле и психологическая проблема, то мы не имеем права ее проглядеть, то материальная сторона жизни не должна ее заслонить от нас, то мы должны помнить, что подобно тому как «идеализм не мешал Гегелю признавать действие экономики, как причины, опосредствованной развитием «духа», так и материализм не мешал Марксу признавать в истории действие «духа», как силы, направление которой определяется в каждое данное время и в последнем счете ходом развития экономики»².

Это признание психики, как опосредствованной общественным бытием причины, ставит перед нами задачу «рассматривать эту субъективную психологическую сторону жизни с материалистической точки зрения», а это, по мнению Плеханова, «значит, поскольку речь идет об определенном виде, объяснить историю идеи материальными условиями существования людей, экономической историей»³. При этом надо помнить, что объяснить ее происхождение из экономической основы и ее обратное воздействие на эту последнюю вовсе не значит устранить из своего поля зрения «надстройку»⁴, и что если бы материалист не захотел принимать во внимание обратное влияние психики, то он тем самым изменил бы своему собственному методу⁵.

Подмена проблемы объяснения психики и ее обратного действия отрицанием их представляет собой измену марксизму, очень опасную по своим последствиям. По мнению Г. В. Плеханова тезис Маркса о Фейербахе означает, что «если материализм не хочет оставаться односторонним, как до сих пор, если он не хочет изменять своему собственному принципу и постоянно возвращаться к идеалистическим воззрениям, если он не хочет признать идеализм более сильным в определенной области, он должен уметь дать материалистическое объяснение всем сторонам человеческой жизни, в том числе и с субъективной стороне этой жизни—именно психологической»⁶.

Если марксисты и материалисты будут отрицать психику, если они будут отказываться от ее изучения, то этим их недостатком воспользуются идеалисты для укрепления своих позиций.

Отрицание психики открывает дверь для идеализма, в частности,

¹ Т. VIII, стр. 22.

² Т. II, стр. 50.

³ Ленин, т. II, стр. 63.

⁴ Т. VIII, стр. 72.

⁵ Ленин, т. II, стр. 64—65.

¹ Т. VIII, стр. 168.

² Т. XVIII, стр. 232.

³ Т. VIII, стр. 169.

⁴ История русской общественной мысли, кн. I, стр. 256.

⁵ Там же.

⁶ Т. VIII, стр. 169.

для субъективной идеалистической психологии. Нельзя предоставить идеалистам безраздельно владеть областью идеологии и психики. Нужно вырвать из их рук изучение и этой, субъективной, психологической стороны нашей жизни.

Отрицание психики ведет не только к идеализму, но и к фатализму. «Ограничиваться рассмотрением человека как объекта, это значит—ограничиться рассмотрением его как члена животного царства, упустить из вида его человеческую деятельность», сделать «материализм сухим, мрачным, печальным» (Геге). Мало того, это значит сделать его фаталистическим, осуждающим человека на полное подчинение слепой материи. Лишь тогда, когда будет хоть отчасти решен вопрос, как развивается в силу конкретной деятельности человека его самосознание, «материализм перестанет, по мнению Плеханова, быть сухим, мрачным, печальным, перестанет уступать идеализму первое место при объяснении деятельной стороны человеческого существования и избавится от свойственного ему фатализма»¹.

Итак, если ошибка идеалистов состоит в том, что они ставят на голову единство субъективной стороны нашей жизни, т. е. психики, и общественного бытия; если ошибка дуалистов состоит в разрыве единства на два самостоятельных, несвязанных между собой явления, то ошибка объективистов состоит в том, что они полностью отсекают субъективную сторону единства.

5. В свете современной психологии мы можем резюмировать все сказанное во всех предыдущих главах следующим образом:

а) Совершенно не обоснована характеристика марксизма как идеализм, даваемая с двух сторон, двумя противоположными лагерями—субъективистами и объективистами, с двух противоположных точек зрения по разным мотивам и с разными выводами. Так, с одной стороны, Челпанов, глава русских субъективистов-эмпириков, пытается, на основании признания марксизмом реальности роли и значения субъективного сделать вывод о том, что основоположники марксизма стояли на точке зрения субъективной эмпирической психологии, а с другой стороны, Бехтерев, глава биосоциального направления рефлексологии, считает, что упоминание марксистами, в частности, Дебориним, о сознании и субъективном есть «непревзойденная дань неизжитому субъективизму»². И тот и другой оценивают признание субъективного фактора общественной жизни как субъективизм. Но это неверно. Не всякое признание психики есть субъективизм.

Марксизм признает реальность, роль и значение человеческой психики, человеческого Я, но марксизм не субъективизм, ибо он полагает, что психика не первична, а вторична. Марксизм признает, что психика имеет свою историю. Однако марксисты смотрели на эту историю не как идеалисты, а как материалисты, ибо, как говорит Плеханов, «исто-

рия мышления (как мы уже неоднократно подчеркивали, это можно и нужно распространить и на психику.—Ю. Ф.) обуславливается историей бытия»¹. Марксизм признает огромное значение психических законов, но он и на них смотрит опять-таки другими глазами, чем субъективист-метафизик, видя в них явление не первичное, а вторичное.

б) Поклепом на марксизм являются попытки главы эмпирической школы Г. И. Челпанова представить марксизм не только как идеализм, но и как дуализм. Не говоря уже о том, что совмещение идеализма и дуализма возможно только для эклектиков, каковым является сам Челпанов, а не основоположников марксизма, попытки эти представляют собой только фальсификацию взглядов марксизма. Марксизм не идеализм, как мы указали это выше, но он и не дуализм, ибо психический фактор общественной жизни с его законами и историей не является для марксизма чем-то самостоятельным от общественного бытия, а только субъективной стороной последнего, его отражением. Попытка Челпанова представить марксизм как дуализм обнаруживает только, что Челпанов считает всякое средство хорошим для защиты отжившей эмпирической психологии.

в) Исходя из марксистского взгляда на психику, как на реальное явление, как на особое качество, особую общественную категорию, производную, но имеющую большое общественное значение и подлежащую в силу этого изучению, мы должны бороться со следующими установками: во-первых, с идеалистическим и механико-материалистическим отождествлением психики и идеологий; во-вторых, с идеалистическим и механико-материалистическим отождествлением субъективного в истории и субъективных переживаний, поведения и психики; в-третьих, с теми сторонниками психологии, как науки о поведении, которые хотя и признают реальность психики, но видят в ней только эпифеномен, или утверждают, что раз психика является производным, раз основой является деятельность, поведение, то психики изучать не нужно; в-четвертых, с дуалистическим представлением о психике, как о явлении самостоятельном, развивающемся по своим внутренним имманентным законам, представлением, отрывающим психику от объективного бытия, разделяющим их пропастью.

Другими словами, мы должны бороться с механико-материалистической недооценкой или отрицанием роли и значения психики, с одной стороны, и с идеалистической переоценкой психики—с другой. Последняя присуща не только субъективистам-эмпирикам, но, как это ни странно, и физиологическому направлению в рефлексологии, ибо не только эмпирик Челпанов заявляет, что изучение самосознания является центральной проблемой «истории», переоценивая таким образом роль и значение психики, как идеалист, но и Павлов, исключая субъективное из области истинно научного изучения, отказывающийся от его изучения, признает, однако, что наши переживания являются перво-

¹ Т. VII, стр. 228.

² Бехтерев, Диалектический материализм и рефлексология. «Под знаменем марксизма», 1926 г. № 7—8.

¹ Т. VIII, стр. 232.

8 Ю. Франкфурт. Плеханов и методология психологии

степенной действительностью, направляющей, определяющей общественный прогресс.

Однако надо сказать, что марксистский взгляд на психику, как второстепенный, но важный фактор общественной жизни, все более и более проникает в психологию в СССР, что выражается в сдвиге к марксизму, который произошел и происходит как в рядах психологов-эмпириков, так и в рядах рефлексологов и сторонников так называемого поведенчества.